

Константин Мишуровский,
эксперт Общества церковных звонарей

Пока звонит тамтам

Тамтам — медная сковорода, в которую бьют деревянным клепалом; род таза; китайск. (Словарь Даля)

Когда в храме появляется что-то новое, доселе невиданное, это всегда обращает на себя внимание. Так устроен церковный уклад жизни, что любые новшества под церковными сводами находят своих сторонников и противников. Но у любых нововведений в Церкви всегда есть предел, после которого нововведение неизбежно отвергается как недопустимое. Представьте себе хоть на минуту замену церковного хора вокально-инструментальным ансамблем или использование дымовой шашки вместо кадила. Примеры выглядят несколько утрированными, и это была бы недопустимая гипербола с моей стороны, если бы я сам по роду деятельности не сталкивался ежедневно со столь же масштабной подменой. Подменой на церковных колокольнях.

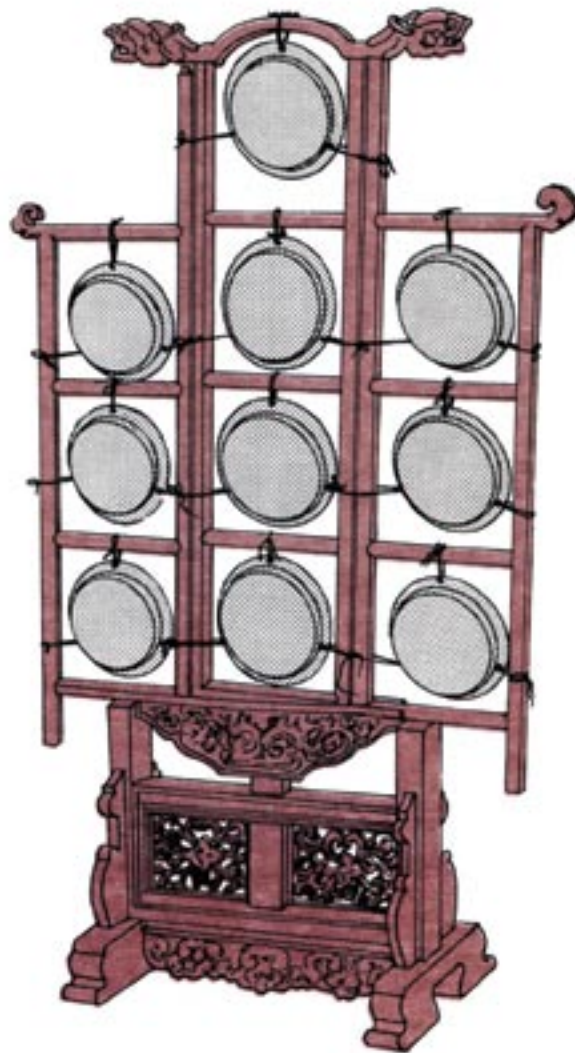
Все начиналось не так давно: в 1993 году на конференции в Московском государственном университете некий господин читал доклад. И в качестве иллюстрации к этому докладу публике была продемонстрирована массивная доска из бронзы. Докладчик вытащил эту доску, привесил ее на деревянной раме и ударил по ней молотом-кувалдой... Доска загудела, издала протяжный звон, выстроившийся в дистиллированное мажорное созвучие. Равномерно угасая, этот аккорд продлился пару минут. Аудитория удивленно закивала головами: надо же, оказывается, звон можно «спрятать» в столь портативную штучковину и при этом обойтись вовсе без колоколов.

Этот эпизод с научным докладом, возможно, и забылся бы, но спустя какое-то время среди звонарей поползли слухи о «восстановлении древних бил в Николо-Перервинском монастыре». Опыт оказался востребованным, и с того времени доски стали активно распространяться по колокольням.

Через несколько лет в газете «Округа» появилась статья о том самом изобретателе-докладчике. Там было написано: «Он понял: форма колокола ограничивает звуковые возможности бронзы. И заново изобрел утраченный древнерусский звонный инструмент — било!» И еще: «Насколько колокола билам проигрывают! Бильный звон более чистый, долгий. На Руси пять веков назад никаких колоколов не было — только прямоугольные била. И звонницы назывались бильницами. Но в России всю дорогу — как дойдет до нас европейская мода, так о своем забываем напрочь».

Трудно комментировать текст, целиком состоящий из неправды. Колокола были известны на Руси со времени ее Крещения, и это хрестоматийный факт. С 1066 года, со времени путешествия Антония Римлянина в Новгород, колокола постоянно упоминаются в летописях. В 1194 году впервые упоминается русский колоколотейщик. В Троице-Сергиевой Лавре на Большой колокольной сохранился русский «Чудотворцев» колокол, созданный в 1422 году, очень красивый и обладающий прекрасным звуком. Исторические свидетельства во множестве говорят о богатейшей истории колокольного литья на Руси. Государев пушечной двор и великий Андрей Чохов, плеяда псковских колоколотейщиков, литье в Троице-Сергиевой Лавре, Московском Кремле, знаменитые Ростовские колокола, славные династии Моториных, Оловянишниковых... Какая уж тут «иноземная мода»!

Летописные упоминания о билах на Руси хорошо известны и кочуют из книги в книгу. Но при этом деревянных бил в России не сохранилось ни одного, а древние металлические била можно пересчитать по пальцам. Ни один из классических исследователей звона (ни Рыбаков, ни Смоленский, ни Оловянишников, ни протоиерей К. Никольский,

«Юн ло», или «юн нгао» — так называется этот китайский набор гонгов, подвешенных рядами в деревянном каркасе. Гонги одинаковы по диаметру, но отличаются по толщине, чтобы производить звуки разной высоты. На юн ло играют колотушкой, обтянутой войлоком.

ни протоиерей С. Слободской) при всей осведомленности ни разу даже не намекает на необходимость вернуть била в российское богослужение. До начала 1990-х годов не возникало даже мысли о какой-либо «конкуренции» колоколов и бил. И никогда била в России не служили для гармонического, художественного звона... С. Смоленский в своей работе «О колокольном звоне в России» изображает нотами бильное клепание, записанное в некоем скиту. Это простые чередования сильных и слабых долей, причем видно, что удары производятся по различным участкам одной и той же доски, как это до сих пор делают греки. Сам же Смоленский в следующей главе пишет, что «Звоны церковные представляют несомненно больший простор для художника...» и даже не оговаривается, что с этого момента под «звонами церковными» он имеет в виду исключительно колокольные звоны.

Ангелово наущение?

Наиболее полное современное описание происхождения и развития церковного звона можно найти у американского исследователя Эдварда Уильямса в его монографии «The Bells of Russia». Появление христианского била (семантрон) приходится на исторический период конца VI — начала VII века. Тогда в Восточной христианской Церкви появилась необходимость давать четкий звуковой сигнал, который бы созывал в храм. Для этого ударяли в деревянную доску. Стук доски представлял собою нехитрые отчетливые ритмические удары. Только к середине XI века ударение в семантрон законодательно определяется и устанавливается в Типиконе или Правиле Студийского монастыря в Константинополе.

Первое упоминание о христианских колоколах относится к началу VI века — это письмо, которое Фульгенций Ферранд, диакон в Карфагене, написал своему другу Евгиппию, аббату монастыря около Неаполя. А уже в начале VII века использование колоколов было официально узаконено распоряжением Римского Папы Сабиниана.

Архиепископ Новгородский Антоний, посетивший Константинополь в 1200 году, отметил, что в Святой Софии — величайшем храме Византийской империи — не звонили в колокола, а ударяли в небольшой ручной семантрон (бильце), созывая к богослужению: «Колокола не держат во святой Софии, но, билцо мало в руке держа, клеплят на заутрени, а на обедни и на вечерни не клеплют: а по иным церквам клеплют и на обедни и на вечерни». В том же тексте архиепископа Антония есть фраза: «Греки же било держат по ангелову внушению, а в колокола латыне звонят». Владыка Антоний явно подчеркивает отношение жителей Константинополя к своему клепанию как к отличительному признаку всего православного богослужения. Но само по себе такое различие, все же, остается внешним, сиюминутным. Через несколько столетий, когда пройдут времена татаро-монгольского ига, колокола прочно займут место в православном богослужении на Руси, безоговорочно подтвердят статус церковной святыни. Очевидно, что не будь внешней османской экспансии, колокола прижились бы и в греческих землях. В этом смысле, била-семантры выполнили историческую миссию: они позволили грекам благовестить к своим церковным службам, не нарушая запрета турецких властей на церковный звон. Но как только иноземный гнет ослаб, греки с радостью распространили у себя церковные колокола. Невзирая на «ангелово наущение»...

Повсеместное распространение колоколов и прекращение клепания в била никогда не встречало какого-либо сопротивления в русской истории. В стране, где изменение нескольких слов в

богослужбной книге вызывало самые горячие протесты, где многие новшества отторгались как свидетельство «наступления последних времен», мы ни разу не найдем свидетельства о том, что, мол, «отвергоша древния била, якоже переданы нам от благочестивых отец, и сняша святыню, и повесиша вместо них колокола антихристовы». И в наши дни старообрядцы с благоговением звонят в колокола. Одним из первых зданий, которое было построено после подписания государева Декрета о веротерпимости в 1905 году, была громадная колокольная Покровского храма на Рогожском кладбище, для которой были отлиты колокола весом до трех тонн на заводе Оловянишникова. Такой проблемы, как вытеснение колоколами бил, быть попросту не могло: ведь колокола взяли на себя все функции и свойства бил, приняли на себя весь древний устав церковного звона, привнесли в церковный звон самобытность, ни с чем не сравнимую красоту. Нет ничего более узнаваемого, чем колокольный звук: с его характерным раскатом, с характерным строем одновременно звучащих тонов. Это уже не стук, а пение, которое разносится далеко окрест. Не существует ни одного предмета не-колокольной формы, который хотя бы приблизительно смог имитировать основные свойства колокольного звучания!

Медитативные металлофоны

Так же, как без труда можно узнать интонацию богослужбного чтения, художественную стилистику икон, архитектурный облик храма, можно

Звон в новые «била» поразительно напоминает медитативные бряцания яванских гамеланов.

узнать и колокольный звон. Ведь много сотен лет он несет на себе акустический знак, и этот знак настолько прочно укоренился в народной культуре, что любые попытки подмены колокольного звона любым другим звоном вызвали бы несомненное порицание еще в начале XX века. Оловянишников так и писал: «С любовью русский народ созидает единственные в мире по размеру, весу и силе звуков колокола и любит, когда громовые удары их потрясают воздух и наполняют душу его великим, благоговейным чувством. И не заменит русскому человеку этого звона никакой другой призыв, как звуков небес, по словам поэта, для чистой души не могут заменить скучные песни земли».

Изобретатели «новых бил» хвалятся тем, что принесли в традицию звона нечто совершенно новое, обогатив тем самым православную культуру. Но неужели действительно нет аналогов новоявленным металлофонам? Ведь, например, в китайской музыке существуют особые круглые гонги, которые вешают на рамы. Расположение этих гонгов (юн ло, юн нгао) и способ звона (парой молотков) очень похожи на то, что предлагается устраивать на колокольнях. Да и появившиеся записи звона в новые «била» поразительно напоминают медитативные бряцания яванских или индонезийских гамеланов. Когда мне приходится показывать подобные материалы, то у моих собеседников моментально улетучиваются иллюзии о некоем «возрождении древнехристианского бильного благочестия». Слишком очевидно сходство с традиционным восточноазиатским языческим музицированием. Не потому ли компакт-диски с записями «бил» так востребованы в оккультных лавках Москвы и других городов? Документально подтверждено, что звон «бильного ансамбля» (возглавляемого все там же докладчиком-изобретателем) сопровождал заседание оккультной секты «Брахма Кумарис».

Архитектурные формы колоколонесущих сооружений развивались параллельно с развитием колокольного литья. Нет ничего печальнее, чем пустые глазницы колокольных проемов. Колокол является таким же самобытным архитектурным элементом храма, как церковная глава с венчающим ее крестом, как закомары и своды. Колокол уже много столетий является символом церковной проповеди, вещающих с неба уст, ангельской трубы. Когда на московских храмах начали появляться прямоугольники новоявленных металлофонов, они смотрелись, как развешанные на колокольнях носовые платки, пеленки или простынки. Нелепо и безвкусно. Такие квадратики не только не украшают собой колокольные арки, но напротив — уродуют их, сбивают взгляд. Не потому ли эти самые гонги-металлофоны чаще всего прячут в глубине колокольни, подальше от людских глаз?

Собор из пенопласта

Часто говорят, что приобретают металлофоны «по бедности». Но ведь малоимущему храму уместнее приобрести четыре-пять небольших колокольцев и звонить по уставу, вместо того, чтобы городить «звон, которого на самом деле нет». Ведь не строят же гигантские соборы из пенопласта «на временной основе» только потому, что нет денег на здание соответствующего размера! Изготовление колокола — очень сложный процесс. Литейщики во все времена добивались высочайшего мастерства в точности формовки, в проектировании колокольного профиля, в разработке и выполнении декора колоколов. Странно: неужели за все столетия колокольного литья в России ни одному литейщику не приходило в голову снабдить какой-нибудь храм «по бедности» набором из гармонически состроенных не-колокольных отливок (пластинок, трубок, брусков и тому подобное)! Почему при всем многообразии колокольных форм, основа основ оставалась неизменной: церковный колокол всегда оставался именно колоколом и ничем иным? Ни на одной старинной фотографии православных храмов мы не увидим в проемах яруса звона ничего, кроме церковных колоколов...

Под видом древних бил на церковных колокольнях насаждается нечто чуждое. Прихожане непроизвольно привыкают к гулу прокатных пластин, несущемуся с колоколен, и с этими звуками входят в храм. Благодатный звон лукаво подменяется бездушной имитацией, и все это происходит с молчаливого согласия церковной общины. Все это — последствия неведения об истинном богатстве отечественной церковно-звонарской культуры. Эта проблема, несомненно, требует особого внимания со стороны нашего Священноначалия и всей церковной общественности. Уже почти поздно, но все же есть надежда, что церковный звон, по милости Божией, выстоит и в этом испытании.

